

Мария Абыз Гарифова с дочерью Нанлей читают письмо избирателям.

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ
В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ

«СЕРЕБРЯНЫЙ
ГОРОД БУДЕТ!»

В пригороде Казани, на огромном поле у села Караваяево, закладывали новый район столицы Татарии — социалистический город. Караваяево работнику Карим Абыз Гарифову выпало счастье положить первый камень. По камню, по старинному обычаю строителей, он бросил серебряную монету. Когда его спросили, для чего он так делает, Гарифов ответил: — Серебряный город будет. Вечно будет стоять!

ДРУЗЬЯ ПРИХОДЯТ НА ПОМОЩЬ

Случилась беда, страшная и, казалось, непоправимая. В литейном цехе Новосибирского паровозоремонтного завода произошел взрыв. Убегая от огня, заливщик литейного цеха Юрий Костин спрыгнул и попал в котел с кипящим мазутом... Его доставили в районную больницу без сознания. Жизнь чуть теплилась в нем. — Безнадёжно, — горестно констатировали врачи, — безнадёжно... Конечно, мы сделаем все возможное, но... Это была битва за жизнь человека — долгая, трудная, требовавшая огромного, постоянного напряжения всех душевных сил, битва, которую вели не только врачи — Марк Павлович Семушин и Ольга Петровна Филиппова, — но и коллектив завода, товарищи Юрия в работе, его друзья.

Врачи осаждали звонками, посещениями, спрашивали, можно ли чем помочь. Все с напряжением следили за исходом этого упорного поединка между жизнью и смертью. И вот наступил день, когда у врачей появилась робкая надежда...

— Теперь для спасения жизни Юрия нужна здоровая человеческая кожа, — пришел к выводу Марк Павлович Семушин.

Литейщики, те, что трудятся рядом с Костиным, первыми пошли к начальнику цеха, а за ними последовали и молодежь других цехов. Это было настоящее паломничество. Их было много — более ста девушек и юношей, желающих дать свою кожу, помочь товарищу в беде.

Когда заводская машина привезла в больницу первых добровольцев, Марк Павлович изумился: — Да куда же вас столько!

Наконец, после необходимых анализов вызвали в больницу комиссара цеха Нину Кришнину и комсомолку Нину Помогину. Операция прошла успешно. Девушки чувствуют себя хорошо. Теперь вызова ждут другие — их, действительно, очень много, настоящих друзей, хотя большинство из них и не знало Юрия раньше.

— Ваш друг будет жить, — сообщили на днях Марк Павлович Семушин. Мы поставим его на ноги, вернем в строй.

Да, Юрий Костин будет жить. Будет потому что на свете есть сила, перед которой порою отступает даже смерть! С. СМОЛАНЦИК, корреспондент «Литературной газеты» НОВОСИБИРСК

КАУБ МОЛОДЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ

РОСТОВ-НА-ДОНУ (Наш корр.). При городском комитете ВЛКСМ создан клуб молодых литераторов. В его члены приняты свыше шестидесяти прозаиков, поэтов, драматургов и критиков. Это — молодые рабочие, студенты, служащие, учащиеся старших классов средних школ. Для приема в члены клуба они представляли рукописи своих произведений. Раз в неделю члены клуба собираются на читку и обсуждение новых произведений своих товарищей. Очень интересно прошло обсуждение повести В. Лукьяненко и стихов В. Скрягина. На днях вышел первый номер общегородской стенной газеты «Фестиваль», издаваемой городским комитетом комсомола. Одна ее колонка отведена творчеству членов клуба. Напечатаны стихи Ю. Попова, С. Юрской, В. Тарташского и песни А. Шаповалова «Молодежная фестивальная» (музыка местных композиторов Г. Капаначова и Л. Самалы).

Члены клуба будут выступать с чтением своих произведений на агитpunkтах, в рабочих клубах, дворцах культуры и молодежных общешкольных.

Создание клуба молодых литераторов — одно из проявлений комсомольской инициативы в подготовке к Всесоюзному и Всемирному фестивалу молодежи и студентов. К сожалению, инициатива эта не получила поддержки со стороны областного отделения Союза писателей. Опытные писатели даже не поинтересовались клубом.

„Наш вторник“

19 февраля в конференц-зале редакции «Литературной газеты» состоялась очередная «Наш вторник». Заслушавший артист РСФСР Николай Першин с большим мастерством прочитал стихи С. Есенина, В. Маяковского, С. Смирнова, А. Негодина и др. Режиссер Вера Стрельва и сценарист Мария Смирнова представили на первый общественный просмотр свою новую работу — фильм «Полночь-полет», повествующий о жизни сельской интеллигенции. Фильм снимался на студии «Мосфильм». Музыка к нему написал композитор Ю. Сяридов. Главные роли исполняют В. Марешкина, Р. Нифонтова, Л. Гриценко, В. Санаев, Е. Санько и др.

В РЕДАКЦИЮ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите мне через «Литературную газету» горячо и искренне поблагодарить партийные, советские, общественные организации и всех друзей-читателей, которые так тепло и трогательно поздравляли меня в дни тяжелой болезни с моим 60-летием и награждением меня орденом Трудового Красного Знамени. Высокая правительственная награда и глубоко радостно возмужавшие меня добрые, душевные приветствия ввели в меня новые силы, ролили жгучее желание еще плодотворнее работать на благо нашей Советской Родины.

Евгений ФЕДОРОВ

ПРОБЛЕМА, поставленная Влади-
миром Киселевым в статье «Су-
ществует ли любовь?» («Литературная
газета», № 109 за прошлый год), при-
влекла интерес широких кругов чита-
телей.

«Существует ли любовь?»

Пишут люди, которые, подобно Сергею и Лизе, годами не могут расторгнуть брак с теми, с кем они, по существу, уже давно разошлись. Оформить существование множественных хороших, дружных семей. Пишут люди, не заинтересованные лично ни в разводе, ни в узаконении родившихся вне брака детей, ни в каких-либо других притязаниях, касающихся семьи и брака. Пишут многие советские граждане, которые охотно делятся своими мыслями, желая помочь разобраться в существе вопроса. Откликнулись на статью работники советской юстиции, деятели юридических наук — люди, в законах, сведениях, к ним причастные и потому со знанием дела их анализирующие. И, наконец, — читатели, которые придираются той точки зрения, что выступают сейчас на тему о семье и браке надо совсем с иных позиций, нежели выступил В. Киселев. Они считают, что, отставив право Сергея и Лизы Юваленко на развод, автор берет под защиту легкомысленное отношение к браку вообще, а главным образом — к родительским обязанностям.

Заволавно и обстоятельно аргументирует эту свою основную претензию к В. Киселеву учительница Г. Левядная из г. Львова.

«Автор твердо желает протолкнуть в свет ту любовь, ради которой совершается величайшая несправедливость — есть, когда из-за нее разрушается существующая семья». Он признает, что новая любовь может и не возникнуть, без которого жить не может, считая это честным и высоко нравственным. Надо сказать, что мысль о честности ухода к любимому человеку не нова — она высказывалась с давних пор. Но, к сожалению, мы совершенно забываем, что мысль эта высказывалась в защиту некаким порабощенной, беспарной женщины, которую выдавали замуж помимо ее воли. И призыв к честности в любви, в сущности, являлся призывом к браку по любви, осуждению брака-сделки. В настоящее время, когда советская женщина вступает в брак добровольно, вопрос о честности ухода к любимому человеку приобретает иное освещение».

Г. Левядная становится на сторону тех, кто бережет свою любовь в браке, стараясь пронести ее через всю жизнь, утверждая, что подавляющее большинство наших отцов способно пренебречь притягательной прелестью новой любви и сохранить в чистоте договор с женой, и решительно настаивает на том, что поступки отцов и матерей, бросающих семью ради нового увлечения, «ничего общего с честностью и высокой нравственностью не имеют и совершенно не заслуживают того, чтобы их поддерживал закон».

Г. Левядная считает возможным развод лишь в тех случаях, когда поводом к этому послужил «внутренний разлад, почему-либо возникший в семье. Мертвая семья — та, где ни жена, ни муж, ни дети не связаны узами любви», — пишет она. Таким образом, мы видим, что вывод в данном случае полностью совпадает с выводом В. Киселева. Разница только в том, что Г. Левядная не допускает вмешательства в бракоразводное дело «третьего лица», то есть объекта нового увлечения.

Некоторые другие читатели, полемизируя с В. Киселевым, категорически высказываются за непримиримое отношение к ответственности к людям, которые «бросают на старости лет расулово» и стремят жену и детей на произвол судьбы ради нового пылко увлечения. В этих суждениях проявляется большая человеческая забота о тех, кто оказывается страдающим лицом в чрезвычайно сложных подчас колоссальных семейных взаимоотношениях и разладах.

Дети — вот кто больше всех страдает от распада и неправильных взаимоотношений в семье.

«Отнять ребенка у отца и отца у ребенка — разве это хорошо?» — пишет учительница-пенсионерка из Ленинграда, подписавшая свое письмо: «Бабушка двоих внуков, брошенных отцами». Она считает, что «развод должен быть исключительно редким явлением, решительно наказуемым общественным мнением».

Аналогичные мысли высказывают в своих письмах москвичка Е. Печорина, рижанка Ю. Адам, группа жильцов одного из домов Севастополя, супруги Кутыревы из г. Тукума (Латвийской ССР), Н. Осаянина из Саратова и другие. Наша

КАЗАНЬ

А. АБСАЛЯМОВ

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ
РАЗГОВОР

«Существует ли любовь?»

Общественность, подчеркивают они, часто слишком либерально относится к людям, нарушающим морально-этические нормы в семейных взаимоотношениях. В этой связи они считают ошибкой то, что В. Киселев берет в своей статье под защиту «легкомысленную» Лизочку Юваленко.

Конечно, борьба за укрепление семьи должна начинаться с воспитания и молодежи серьезного отношения к браку. Само суверенное осуждение заслуживает своим родительским обязанностям. Нельзя не согласиться с Г. Левядной в том, что ныне в нашей стране, где осуществлено равновесие мужчин и женщин, где нет почвы для меркантильных браков, ным должно быть и отношение к тем, кто заключает их не по любви, а по расчету. Но можно ли из этого делать вывод, что в нынешних условиях невозможно ошибки при создании семьи? А если это так, то разве нужно формальное сохранение брака рассудку вопреки, во вред супругам и детям?

О необходимости воспитывать у молодежи уважение к браку и ответственности за прочность советской семьи говорят многие читатели. Об этом пишет журналист Л. Керюнас из г. Вильнюса, В. Захаров из поселка Апатиты, Мурманской области, Т. Мосягина из города Гвардейск, Абхазской АССР, Е. Кашникова из Ленинграда, педагог Н. Борнов из Курска, В. Левядная из города Тернополя. Некоторые из этих писем содержат справедливые упреки в адрес нашей литературы, кино и театра, которые недостаточно и не всегда удачно говорят с молодежью о том, на что же, собственно, они должны равняться, какие моральные нормы обязаны соблюдать, вступая в семейный союз.

В этих высказываниях звучит забота об укреплении моральных устоев нашего общества. И совершенно очевидно, что при разработке и решении вопросов, связанных с нашим законодательством о семье и браке, многие из этих соображений должны быть положены на чашу весов.

Нет ли это, что в силу гуманности к одним семьям, к одним женам и детям не следует соблюдать той же гуманности по отношению к другим семьям, другим женам и детям?

Жизнь в процессе своем влечет за собой множество явлений, далеко не всегда укладывающихся в общепринятые стандарты и рамки, не всегда подчиняющихся нашим добрым намерениям. А многогранности человеческих взаимоотношений вообще, и особенно отношений семейных, о том, как трудно иной раз предусмотреть и предопределить все необходимое для человеческого счастья, пишет читатель и читательница, чья семейная жизнь сложилась не так, как этого хотелось бы.

Нет ни возможности, ни надобности приводить эти письма здесь, — они в том или ином варианте повторяют и подтверждают то, что уже было высказано на страницах «Литературной газеты» в статьях Е. Серебряковой и В. Киселева, в письме С. Маршала, Г. Степанского, Д. Шостаковича и И. Френбургера, в откликах читателей на эти выступления газеты. В них высказываются о «мертвых» браках, которые невозможно расторгнуть; о живых, существующих детях, которые не должны расплываться за ошибки родителей; о бесконечной, часто оскорбительной для человеческого достоинства бракоразводной судебной волонтике, тянувшейся даже в тех случаях, когда, казалось бы, вопрос бесспорен и

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
Дорого яичко...

Журнал «Веселые картинки» — прекрасный подарок для малышей. Жаль только, что редакция забыла о поговорке «Дорого яичко к христову» и преподнесла очередной (январский) номер этого подарка лишь... 13 февраля. Журнал произвел неописанное впечатление на мою дочь, Улину Нарисованного на обложке Пед-мороза с елочными игрушками и подражала «С Новым годом!», она заплакала и потребовала немедленно устроить ей елку.

Прибавить к этому нечего.

А. КУЗНЕЦОВ
МОСКВА

ФЕЛЕТОН
Грозное видение

Круглый стол был завален гранями. Предстоял выпуск нового областного сборника поэтов национальных республик в переводах на русский язык. Вокруг стола сидели стихотворцы-переводчики: шла последняя вычитка материала. Стихотворец с острым профилем сдвинул стихи. Седая женщина в пенсне сверяла вступ гюнки, а два переводчица-стихотворца, сидевшие по сторонам, проверяли ее. Вычитка шла пятый день подряд. В издательстве настало предупреждение: все надо кончить через неделю. Если работа не будет завершена, книга перейдет в план будущего года.

— Как много мы еще должны сделать! — седая женщина в пенсне вздохнула.

— Но мы избрали рациональный метод взаимопроверки.

— Эпитеты проверены?

— Или занимался Пристрочником. — А метафоры?

— Это я поручил Надстрочнику. — А транскрипция имен собственных, исторических названий?

— Полустрочников занимается этим. — Передохнем, пожалуй... После перекура место стихотворца-переводчика с острым профилем занял стихотворец-переводчик небольшого роста, плотный, лысый. Он снял пиджак и остался в вязаном жилете.

— Верлюды — труды, хорошо ли рифмуется? — седая женщина в пенсне попросила.

— Соответствует подстрочнику, — ответил стихотворец-переводчик, сменявший первого руководителя взаимопроверки.

— Ударение поставлено неправильно. — Почему неправильно?

— Чувствуется оттенок вульгаризма... Начался спор. Глаза плотного стихотворца-переводчика несколько потемнели: — Я хочу сказать, что существует

народные Ударения, отличные от Ударений литературного языка.

— Но у нас нормы литературного языка.

— Однако при этом мы не должны быть пуристами. Слыхали вы, чтобы говорили «верлюды»? Слыхали, Значит, можно рифмовать «верлюды — труды».

— Нелзя! — Мы, кажется, переходим в следующий издательский год, — раздался невеселый голос из угла.

Там отдалых сменившийся руководитель взаимопроверки.

— Обратился к Подстрочнику. Пусть решает. Вот он!

В комнату входил человек средних лет, худощавый, смуглый, пышнолобый, с грустными глазами. Во все времена года во всех местах его видели с тросточкой.

— Нет ли это, что в силу гуманности к одним семьям, к одним женам и детям не следует соблюдать той же гуманности по отношению к другим семьям, другим женам и детям?

Жизнь в процессе своем влечет за собой множество явлений, далеко не всегда укладывающихся в общепринятые стандарты и рамки, не всегда подчиняющихся нашим добрым намерениям. А многогранности человеческих взаимоотношений вообще, и особенно отношений семейных, о том, как трудно иной раз предусмотреть и предопределить все необходимое для человеческого счастья, пишет читатель и читательница, чья семейная жизнь сложилась не так, как этого хотелось бы.

Нет ни возможности, ни надобности приводить эти письма здесь, — они в том или ином варианте повторяют и подтверждают то, что уже было высказано на страницах «Литературной газеты» в статьях Е. Серебряковой и В. Киселева, в письме С. Маршала, Г. Степанского, Д. Шостаковича и И. Френбургера, в откликах читателей на эти выступления газеты. В них высказываются о «мертвых» браках, которые невозможно расторгнуть; о живых, существующих детях, которые не должны расплываться за ошибки родителей; о бесконечной, часто оскорбительной для человеческого достоинства бракоразводной судебной волонтике, тянувшейся даже в тех случаях, когда, казалось бы, вопрос бесспорен и

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
Дорого яичко...

Журнал «Веселые картинки» — прекрасный подарок для малышей. Жаль только, что редакция забыла о поговорке «Дорого яичко к христову» и преподнесла очередной (январский) номер этого подарка лишь... 13 февраля. Журнал произвел неописанное впечатление на мою дочь, Улину Нарисованного на обложке Пед-мороза с елочными игрушками и подражала «С Новым годом!», она заплакала и потребовала немедленно устроить ей елку.

Прибавить к этому нечего.

А. КУЗНЕЦОВ
МОСКВА

ФЕЛЕТОН
Грозное видение

Круглый стол был завален гранями. Предстоял выпуск нового областного сборника поэтов национальных республик в переводах на русский язык. Вокруг стола сидели стихотворцы-переводчики: шла последняя вычитка материала. Стихотворец с острым профилем сдвинул стихи. Седая женщина в пенсне сверяла вступ гюнки, а два переводчица-стихотворца, сидевшие по сторонам, проверяли ее. Вычитка шла пятый день подряд. В издательстве настало предупреждение: все надо кончить через неделю. Если работа не будет завершена, книга перейдет в план будущего года.

— Как много мы еще должны сделать! — седая женщина в пенсне вздохнула.

— Но мы избрали рациональный метод взаимопроверки.

— Эпитеты проверены?

— Или занимался Пристрочником. — А метафоры?

— Это я поручил Надстрочнику. — А транскрипция имен собственных, исторических названий?

— Полустрочников занимается этим. — Передохнем, пожалуй... После перекура место стихотворца-переводчика с острым профилем занял стихотворец-переводчик небольшого роста, плотный, лысый. Он снял пиджак и остался в вязаном жилете.

— Верлюды — труды, хорошо ли рифмуется? — седая женщина в пенсне попросила.

— Соответствует подстрочнику, — ответил стихотворец-переводчик, сменявший первого руководителя взаимопроверки.

— Ударение поставлено неправильно. — Почему неправильно?

— Чувствуется оттенок вульгаризма... Начался спор. Глаза плотного стихотворца-переводчика несколько потемнели: — Я хочу сказать, что существует

народные Ударения, отличные от Ударений литературного языка.

— Но у нас нормы литературного языка.

— Однако при этом мы не должны быть пуристами. Слыхали вы, чтобы говорили «верлюды»? Слыхали, Значит, можно рифмовать «верлюды — труды».

— Нелзя! — Мы, кажется, переходим в следующий издательский год, — раздался невеселый голос из угла.

Там отдалых сменившийся руководитель взаимопроверки.

— Обратился к Подстрочнику. Пусть решает. Вот он!

В комнату входил человек средних лет, худощавый, смуглый, пышнолобый, с грустными глазами. Во все времена года во всех местах его видели с тросточкой.

— Нет ли это, что в силу гуманности к одним семьям, к одним женам и детям не следует соблюдать той же гуманности по отношению к другим семьям, другим женам и детям?

Жизнь в процессе своем влечет за собой множество явлений, далеко не всегда укладывающихся в общепринятые стандарты и рамки, не всегда подчиняющихся нашим добрым намерениям. А многогранности человеческих взаимоотношений вообще, и особенно отношений семейных, о том, как трудно иной раз предусмотреть и предопределить все необходимое для человеческого счастья, пишет читатель и читательница, чья семейная жизнь сложилась не так, как этого хотелось бы.

Нет ни возможности, ни надобности приводить эти письма здесь, — они в том или ином варианте повторяют и подтверждают то, что уже было высказано на страницах «Литературной газеты» в статьях Е. Серебряковой и В. Киселева, в письме С. Маршала, Г. Степанского, Д. Шостаковича и И. Френбургера, в откликах читателей на эти выступления газеты. В них высказываются о «мертвых» браках, которые невозможно расторгнуть; о живых, существующих детях, которые не должны расплываться за ошибки родителей; о бесконечной, часто оскорбительной для человеческого достоинства бракоразводной судебной волонтике, тянувшейся даже в тех случаях, когда, казалось бы, вопрос бесспорен и

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
Дорого яичко...

Журнал «Веселые картинки» — прекрасный подарок для малышей. Жаль только, что редакция забыла о поговорке «Дорого яичко к христову» и преподнесла очередной (январский) номер этого подарка лишь... 13 февраля. Журнал произвел неописанное впечатление на мою дочь, Улину Нарисованного на обложке Пед-мороза с елочными игрушками и подражала «С Новым годом!», она заплакала и потребовала немедленно устроить ей елку.

Прибавить к этому нечего.

А. КУЗНЕЦОВ
МОСКВА

ФЕЛЕТОН
Грозное видение

Круглый стол был завален гранями. Предстоял выпуск нового областного сборника поэтов национальных республик в переводах на русский язык. Вокруг стола сидели стихотворцы-переводчики: шла последняя вычитка материала. Стихотворец с острым профилем сдвинул стихи. Седая женщина в пенсне сверяла вступ гюнки, а два переводчица-стихотворца, сидевшие по сторонам, проверяли ее. Вычитка шла пятый день подряд. В издательстве настало предупреждение: все надо кончить через неделю. Если работа не будет завершена, книга перейдет в план будущего года.

— Как много мы еще должны сделать! — седая женщина в пенсне вздохнула.

— Но мы избрали рациональный метод взаимопроверки.

— Эпитеты проверены?

— Или занимался Пристрочником. — А метафоры?

— Это я поручил Надстрочнику. — А транскрипция имен собственных, исторических названий?

— Полустрочников занимается этим. — Передохнем, пожалуй... После перекура место стихотворца-переводчика с острым профилем занял стихотворец-переводчик небольшого роста, плотный, лысый. Он снял пиджак и остался в вязаном жилете.

— Верлюды — труды, хорошо ли рифмуется? — седая женщина в пенсне попросила.

— Соответствует подстрочнику, — ответил стихотворец-переводчик, сменявший первого руководителя взаимопроверки.

— Ударение поставлено неправильно. — Почему неправильно?

— Чувствуется оттенок вульгаризма... Начался спор. Глаза плотного стихотворца-переводчика несколько потемнели: — Я хочу сказать, что существует

народные Ударения, отличные от Ударений литературного языка.

— Но у нас нормы литературного языка.

— Однако при этом мы не должны быть пуристами. Слыхали вы, чтобы говорили «верлюды»? Слыхали, Значит, можно рифмовать «верлюды — труды».

— Нелзя! — Мы, кажется, переходим в следующий издательский год, — раздался невеселый голос из угла.

Там отдалых сменившийся руководитель взаимопроверки.

— Обратился к Подстрочнику. Пусть решает. Вот он!

В комнату входил человек средних лет, худощавый, смуглый, пышнолобый, с грустными глазами. Во все времена года во всех местах его видели с тросточкой.

— Нет ли это, что в силу гуманности к одним семьям, к одним женам и детям не следует соблюдать той же гуманности по отношению к другим семьям, другим женам и детям?

Жизнь в процессе своем влечет за собой множество явлений, далеко не всегда укладывающихся в общепринятые стандарты и рамки, не всегда подчиняющихся нашим добрым намерениям. А многогранности человеческих взаимоотношений вообще, и особенно отношений семейных, о том, как трудно иной раз предусмотреть и предопределить все необходимое для человеческого счастья, пишет читатель и читательница, чья семейная жизнь сложилась не так, как этого хотелось бы.

Нет ни возможности, ни надобности приводить эти письма здесь, — они в том или ином варианте повторяют и подтверждают то, что уже было высказано на страницах «Литературной газеты» в статьях Е. Серебряковой и В. Киселева, в письме С. Маршала, Г. Степанского, Д. Шостаковича и И. Френбургера, в откликах читателей на эти выступления газеты. В них высказываются о «мертвых» браках, которые невозможно расторгнуть; о живых, существующих детях, которые не должны расплываться за ошибки родителей; о бесконечной, часто оскорбительной для человеческого достоинства бракоразводной судебной волонтике, тянувшейся даже в тех случаях, когда, казалось бы, вопрос бесспорен и

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
Дорого яичко...

Журнал «Веселые картинки» — прекрасный подарок для малышей. Жаль только, что редакция забыла о поговорке «Дорого яичко к христову» и преподнесла очередной (январский) номер этого подарка лишь... 13 февраля. Журнал произвел неописанное впечатление на мою дочь, Улину Нарисованного на обложке Пед-мороза с елочными игрушками и подражала «С Новым годом!», она заплакала и потребовала немедленно устроить ей елку.

Прибавить к этому нечего.

А. КУЗНЕЦОВ
МОСКВА

ФЕЛЕТОН
Грозное видение

Круглый стол был завален гранями. Предстоял выпуск нового областного сборника поэтов национальных республик в переводах на русский язык. Вокруг стола сидели стихотворцы-переводчики: шла последняя вычитка материала. Стихотворец с острым профилем сдвинул стихи. Седая женщина в пенсне сверяла вступ гюнки, а два переводчица-стихотворца, сидевшие по сторонам, проверяли ее. Вычитка шла пятый день подряд. В издательстве настало предупреждение: все надо кончить через неделю. Если работа не будет завершена, книга перейдет в план будущего года.

— Как много мы еще должны сделать! — седая женщина в пенсне вздохнула.

— Но мы избрали рациональный метод взаимопроверки.

— Эпитеты проверены?

— Или занимался Пристрочником. — А метафоры?

— Это я поручил Надстрочнику. — А транскрипция имен собственных, исторических названий?

— Полустрочников занимается этим. — Передохнем, пожалуй... После перекура место стихотворца-переводчика с острым профилем занял стихотворец-переводчик небольшого роста, плотный, лысый. Он снял пиджак и остался в вязаном жилете.

— Верлюды — труды, хорошо ли рифмуется? — седая женщина в пенсне попросила.

— Соответствует подстрочнику, — ответил стихотворец-переводчик, сменявший первого руководителя взаимопроверки.

— Ударение поставлено неправильно. — Почему неправильно?

— Чувствуется оттенок вульгаризма... Начался спор. Глаза плотного стихотворца-переводчика несколько потемнели: — Я хочу сказать, что существует

народные Ударения, отличные от Ударений литературного языка.

— Но у нас нормы литературного языка.

— Однако при этом мы не должны быть пуристами. Слыхали вы, чтобы говорили «верлюды»? Слыхали, Значит, можно рифмовать «верлюды — труды».

— Нелзя! — Мы, кажется, переходим в следующий издательский год, — раздался невеселый голос из угла.

Там отдалых сменившийся руководитель взаимопроверки.

— Обратился к Подстрочнику. Пусть решает. Вот он!

